

ФРАНСУАЗА

БУРДЕН

FRANÇOISE
BOURDIN

La Promesse de l'océan

ФРАНСУАЗА
БУРДЕН

Обещание океана

INSPIRIA

МОСКВА
2021

УДК 821.133.1-31
ББК 84(4Фра)-44
Б91

Françoise Bourdin
LA PROMESSE DE L'OCÉAN

Copyright © Belfond, un département de Place des Editeurs, 2014

Перевод с французского *Юлии Рац*

Художественное оформление *Елены Куликовой*

Бурден, Франсуаза.
Б91 Обещание океана / Франсуаза Бурден ; [перевод с французского Ю. Рац]. — Москва : Эксмо, 2021. — 320 с.

ISBN 978-5-04-115465-3

Маэ приходится взять на себя семейный бизнес — управление рыболовной компанией. Ей удастся завоевать авторитет у моряков, но работа оказывается настолько изматывающей, что ни на что другое времени не остается.

Личная жизнь и вовсе под запретом — у Маэ и так слишком много проблем из-за мужчин.

Когда-то она любила молодого моряка Ивона, но за несколько дней до свадьбы во время шторма он погиб. За первым ударом последовал второй: Маэ узнала, что Ивон ее обманывал.

Чтобы вновь раскрыть сердце, Маэ надо забыть о том, что нельзя никому верить. Но это не так-то просто, когда грозовой тучей над ней нависает еще одна тайна.

УДК 821.133.1-31
ББК 84(4Фра)-44

ISBN 978-5-04-115465-3

© Рац Ю., перевод на русский язык, 2020
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2021

*Посвящаю моей НизУ
с искренней любовью*

1

Маэ вцепилась в руку стоматолога, но не смогла сказать ни слова — она не чувствовала ни губы, ни щеку. Зато ее отпустила ноющая боль, которая не давала спать полночи. Она вернулась к своему старому пикапу, припаркованному недалеко от кабинета врача, и рванула с места так, что взвизгнули покрывки. В машине отчетливо пахло рыбой, но ее не раздражал этот запах. Он был неотъемлемой частью всех автомобилей ее семьи, и когда она еще в детстве однажды фыркнула по этому поводу, родители расхохотались и объяснили ей, что рыбный промысел кормит их всех.

Маэ покинула площадь Мартрэ с ее фахверковыми домами, проехала Ламбаль и направилась в Валь-Андре¹. Сезон ловли морского гребешка, который продолжается с октября по апрель, должен был вот-вот начаться. В это время с побережья как раз уедут последние туристы, и скоро оно вновь будет принадлежать бретонцам. Накануне Маэ провела весь день с моряками своей маленькой флотилии, обсуждая график выхода судов. Хотя у нее был диплом и предпринимателя, и капитана рыболовного судна, она предпочитала оставаться на берегу и заниматься

¹ Ламбаль, Валь-Андре — коммуны в регионе Бретань.

делами своей компании. Отец полностью передал управление Маэ; и моряки хорошо ее приняли, поскольку все предшествующие годы она выходила на рыбалку вместе с ними, а еще потому, что она была дочерью Эрвана Ландрие. Когда его разбил инсульт, моряки сочли вполне естественным то, что Маэ взяла дело в свои руки. Ни один из них не высказал недовольства тем, что теперь у руля окажется девушка, в этой среде солидарность была сильнее мачизма. Однако Маэ отнюдь не была наивной и прекрасно понимала, что те, кто на нее работал, просто не могли себе позволить покупку собственного траулера и поэтому рассчитывали только на жалование в конце месяца. Свои суда Маэ содержала в порядке, платила страховым компаниям, занималась всеми административными вопросами и строго следила за соблюдением законодательства. Благодаря этому моряки выходили в море со спокойной душой и могли думать только о рыбалке. Конечно, солидная репутация, заработанная Эрваном, служила теперь его дочери. Он сумел вовремя сориентироваться и расширил свое дело, добавив к имеющимся судам для прибрежного сбора моллюсков два траулера для дальнего плавания. Когда в заливе кончился сезон ловли морских гребешков, моряки выходили в открытое море за морским языком, камбалой, окунем, налимом или барабулькой.

До того, как инсульт выбил отца Маэ из строя, она целые сезоны проводила на кораблях Ландрие. Она умела чинить драгу и траловую сеть, держать руль в штормовую погоду, прикидывать вес улова, только взглянув на извивающихся посреди палубы рыб. С того времени у нее еще сохранились мальчишеские манеры, но теперь, перестав выходить с моряками в море, девушка старалась следить за внешностью. Она слегка отрастила свои

каштановые волосы, и теперь, с челкой и градуированным каре, выглядела более женственной, а сдержанный макияж подчеркивал сине-зеленый цвет ее глаз, напоминающий воды Ла-Манша в ясный день. От джинсов ей так и не удалось отказаться, но она дополняла их белыми блузками и элегантными пиджаками, а зимой стала носить ботильоны на каблуках. Однако, хотя она перестала чертыхаться и пить пиво прямо из бутылки, ее упрямство и вспыльчивость никуда не делись.

Перед деревней Сен-Альбан Маэ повернула направо, к порту Эрки¹. Она была очень горда тем, что в порту ее родного города на аукционах ежегодно продается больше десяти тысяч тонн рыбы и моллюсков. Впрочем, теперь это называлось «рынок морепродуктов». За несколько лет все так изменилось! Квоты, сроки, рыбалка группой траулеров. Незадолго до болезни Эрвану уже было трудно в этом разобраться, и он без конца ругался. В конце концов он предоставил все решать Маэ. С трудом разговаривая и передвигаясь, он ожесточился на весь свет и, едва перешагнув семидесятилетний рубеж, считал себя конченным человеком. «Сдай меня в казенный дом!» — повторял он дочери, делано сокрушаясь. Какой дом он имел в виду? Отдыха? Для престарелых? Для слабоумных? Но он вовсе не был слабоумным. Зато часто склочничал и легко поддавался приступам ярости. Маэ стойко держалась, да у нее и не было другого выхода. Совместный быт с отцом то и дело выводил ее из равновесия, но она продолжала руководить компанией.

Присутствие в доме вечно раздраженного отца и семейное дело, которое не давало никаких передышек,

¹ Эрки — коммуна в Бретани на северо-западе Франции.

почти не оставляли Маэ шансов на личную жизнь. Ее это даже не расстраивало — она еще не оправилась от потери своего жениха. Ей больше не хотелось думать об этом, но по ночам ее часто мучили кошмары.

Маэ представляла себе бушующее море в ночном мраке, ледяной холод, который охватил упавшего за борт Ивона, его смертный ужас, его крики, уносимые ветром. Панику моряков на борту. Спасательные круги на воде, лучи прожекторов. Только что мог различить Ивон в этом хаосе? Наверное, он отчаянно боролся, захлебываясь в волнах, обрушивающихся на него. А потом наступала мучительная смерть, и его тело медленно опускалось на дно. Маэ снова видела, как траулер входит в порт. Получив утром сообщение по радиации, она ждала на набережной, стуча зубами от холода и захлебываясь от рыданий. Шел дождь, под ледяным шквалом качались стоявшие на якоре корабли. Траулер наконец подошел к причалу и пришвартовался. Она увидела лицо отца, искаженное горем и чувством вины. За его спиной, опустив головы, молча крепили тросы двое моряков. Появился представитель капитана порта в сопровождении двух жандармов. Эрван рассказал, что несчастье произошло, когда он резко повернул штурвал, чтобы подняться на волну. Может быть, он сделал это слишком быстро и не успел предупредить о своем маневре. А Ивон, как и большинство моряков на рыболовных судах, никогда не надевал страховочный пояс, даже в шторм. Океан сомкнулся над ним. Его тело так и не нашли, и он считался пропавшим без вести. Отпевание проходило в отсутствие гроба; перед порталом церкви душераздирающе выли волынки бретонского оркестра. Маэ казалось, что она умрет от отчаяния. Пока эта женщина не подошла

к ней и не разрушила ее самые прекрасные воспоминания, бросив ей в лицо чудовищные слова...

Она резко затормозила у дома из розового песчаника. Этот узкий дом с шиферной двускатной крышей и мансардой, стоящий вплотную к скале, был похож на большинство строений на побережье. Для Эрвана он символизировал начало его успеха: он переехал сюда из рыбацкой лачуги. Позднее он мог позволить себе и более просторное жилище, но у него не было никакого желания что-то менять. Эти стены еще помнили его жену и то счастливое время. Душа Анник жила в фаянсовых тарелках Кемпера с изображениями персонажей бретонских легенд, в нескольких книгах, стоявших на полке, в семействе медных кастрюль, висевших на стене в кухне и давно потускневших, потому что Маэ никогда не начищала их до блеска; в вышитом вручную покрывале, которым Эрван всегда застилал свою кровать. Он упорно держался за все эти предметы, чтобы они напоминали ему о жене. Он увяз в прошлом и не желал себе в этом признаваться.

Пройдя мимо фасада, Маэ завернула за угол. В боковой части дома, окруженного небольшим садом, был устроен офис компании с отдельным входом. Во времена Эрвана это была просто комната, в которой царил жуткий кавардак, но Маэ без всякого сожаления выкинула старый хлам, когда решила возглавить компанию. Во время длительного пребывания отца в больнице после инсульта врачи давали пессимистичные прогнозы. По их словам, Эрван плохо восстанавливался, и поэтому болезнь будет напоминать о себе осложнениями: его речь и двигательная способность уже никогда не будут прежними. Маэ без колебаний заняла его место, ведь от этого зависело, выживет ли их рыболовное предприятие. Вернувшись до-

мой, отец согласился отдать ей бразды правления, и с тех пор оставил ее в покое, почти не появляясь в своем прежнем офисе, в котором теперь чувствовал себя неуютно.

Маэ села за письменный стол из темного дерева и первым делом прослушала по радио сводку погоды. Зуб больше не болел, но действие анестезии закончилось, и начало покалывать в щеке. Она решила, что врач хорошо сделал свою работу, и ей, пожалуй, будет стыдно из трусости отменять следующий прием. Как большинство людей, она смертельно боялась стоматологов и ненавидела зубоврачебное кресло.

— А, ты дома, — заметил Эрван и переступил порог, тяжело опираясь на палку.

Он вернулся со своей ежедневной прогулки. С глубоко надвинутой на глаза фуражкой и неизменным дождевиком с капюшоном он выглядел как карикатура на бывалого моряка, потрепанного штормами. Однако он не играл ни в бретонца, ни в морского волка — в душе он и был ими и мог гордиться тем, что первым из шести поколений рыбаков выбился из нищеты.

— Я составляю график на ближайшие дни, — сказала Маэ, улыбаясь.

Она всегда старалась быть приветливой с отцом, хотя из-за своего нетерпения часто выходила из себя, когда ей приходилось несколько раз повторять одно и то же.

— Ты сняла мои фотографии?

С недовольным видом он оглядывал стену за ее спиной.

— Они пожелтели, папа. Но я их сохранила, можешь посмотреть...

— Все-таки это мои траулеры, — проворчал он.

— У них корпуса уже давно изъедены червями, и у нас есть другие, более достойные для демонстрации.

Мастер сейчас делает багет для больших фотографий «Жабадао», «Корригана» и «Там бары», они будут готовы на следующей неделе. Они очень красивые, вот увидишь!

Маэ начала с того, что сфотографировала свои экипажи — от капитанов и помощников капитанов до матросов — на фоне порта Эрки. Этот снимок теперь висел над углом длинного стола. На полках, до которых можно было дотянуться рукой, не вставая, теснились кожаные папки, снабженные этикетками с названиями судов и именами моряков.

На столе перед ней стоял компьютер, который она никогда не выключала. Маэ не отказывалась от практики прошлых лет, но приняла на вооружение более современные и удобные методы управления предприятием. Эрван наблюдал за ее действиями со смесью гордости и раздражения. Он был доволен, что она приняла у него эстафету, но его беспокоило стремление дочери расширять дело. Когда год назад она приобрела «Жабадао», он решил, что она идет на чрезмерный риск. Он собирался объяснить ей, что надо бы умерить аппетиты, однако в тот сезон моряки возвращались с такими фантастическими уловами, что он промолчал. Тем более, это судно, купленное по случаю, крепкое и в очень хорошем состоянии, Маэ доверила их лучшему капитану — Жану-Мари, и здесь тоже возразить было нечего.

— Я проголодался, — объявил Эрван. — Мы скоро будем есть?

Он считал более или менее естественным то, что его дочь — глава предприятия, однако это не освобождало ее от обязанности заниматься хозяйством. После смерти Анник она взяла бразды правления в свои руки, и он не видел никаких причин что-то менять.

— Через полчаса, ладно? — ответила Маэ. — Я еще не закончила.

Недовольно ворча, Эрван вышел, с трудом переставляя непослушные после инсульта ноги. Координация движений у него совсем разладилась, он постоянно натыкался на мебель и опрокидывал мелкие предметы. Маэ вздохнула, когда дверь за ним закрылась. В тридцать лет не стоит жить с отцом, но она все не решалась оставить его одного. Ей очень хотелось обзавестись собственной квартирой, а еще лучше — маленьким рыбацким домиком, который принадлежал бы ей одной, чтобы она могла обустроить его по своему вкусу. Жить независимо, принимать гостей и искать родственную душу, с которой можно обсуждать до утра мировые проблемы. Но она застряла здесь, в этом доме — где родилась, выросла и потеряла мать, едва отметив тринадцатилетие. Конечно, Эрван ни в чем ей не отказывал. «Если хочешь позвать своих друзей — давай, я вам не помешаю, буду тише воды ниже травы». «Тише воды»? Эрван был на это просто неспособен! К тому же она не представляла, как отправить его сидеть в своей комнате, в его же собственном доме. Поэтому она устраивала для приятелей ужины в ресторанах или блинных на Портовой улице.

Маэ ввела в компьютер последние цифры и с глубоким вздохом потянулась. В отличие от матери, она не обладала кулинарными способностями и поэтому часто ограничивалась тем, что разогревала на сковородке или в духовке готовую замороженную рыбу. Еще она умела печь пшеничные лепешки, добавляя в них все, что было под рукой. Эрван ворчал, с сожалением вспоминая таланты Анник, но все равно ел с большим аппетитом.

Маэ сохранила данные и сразу встала из-за стола. После обеда она собиралась выйти на яхте со своей

подругой Армель. Всего на несколько часов, чтобы подышать морским воздухом, пока еще стоят тихие, солнечные дни. Ей нечасто удавалось ходить под парусом, и она хотела воспользоваться передышкой. Как только начнется сезон сбора моллюсков, она уйдет в работу с головой и уже не сможет поручить яхтой. Маэ решила, что закажет еду и они с отцом вполне удовольствуются блинами с сыром и ветчиной.

* * *

Жан-Мари почти закончил тщательный осмотр «Жабадао» и, выйдя на причал, позволил себе закурить сигарету. Когда Маэ купила это судно, он влюбился в него с первого взгляда — точно так же, как когда-то влюбился в Маэ. Но если своей любви к «Жабадао» он не скрывал, то перед этой молодой женщиной становился немым. И не только потому, что был ее подчиненным. На самом деле он уже давно подпал под обаяние Маэ, еще в то время, когда Эрван нанял его юнгой. Но тогда она, увы, смотрела только на Ивона, с которым потом обручилась. Жану-Мари пришлось подавить свои чувства и поневоле стать свидетелем подготовки к их свадьбе. Он старался не выходить в море в одну смену с молодым человеком, потому что не мог сдерживать ревность, но, к несчастью, в ту ночь, когда произошла трагедия, они находились на одном судне.

Потеряв равновесие во время резкого маневра Эрвана, он тоже чуть не упал в воду. Но он был привязал тросом и видел, как Ивона швырнуло за борт. В последующие часы, несмотря на шторм, они оставались на месте, описывая круги. В свете прожекторов моряки тщетно гляделись в воду и совершенно измучились, окликавая Ивона,